

Политика**Посредническая и миротворческая роль Монголии
на Корейском полуострове
в рамках концепции «третьего соседа»**

© 2020

DOI: 10.31857/S013128120012898-8

Игнатов Иван Андреевич

Аспирант МГИМО (Университет МИД России). E-mail: sienar93@yandex.ru.

Аннотация:

Статья посвящена роли Монголии в качестве посредника и миротворца при урегулировании конфликта на Корейском полуострове в соответствии с ее внешнеполитической концепцией «третьего соседа». Автор показывает по какой причине Монголия пользуется доверием вовлеченных в конфликт сторон и воспринимается ими как одна из наиболее подходящих на роль посредника, анализирует посредническую деятельность монгольского руководства на корейском направлении, включая меры по укреплению доверия с обоими государствами полуострова, организацию и проведение двусторонних и многосторонних встреч и переговоров на монгольской территории, а также создание международной диалоговой площадки в виде международной конференции «Улан-Баторский диалог по безопасности в Северо-Восточной Азии». Он приходит к выводу, что на фоне нынешнего ухудшения отношений между Севером и Югом Кореи дружественные отношения Монголии с КНДР и РК приобретают особое значение, так как именно монгольская сторона сможет оказать сторонам конфликта поддержку при решении острых вопросов в период текущего кризиса.

Ключевые слова:

Монголия, КНДР, Республика Корея, Корейский полуостров, «третий сосед», межкорейское урегулирование, переговоры, посредник, сотрудничество.

Для цитирования:

Игнатов И.А. Посредническая и миротворческая роль Монголии на Корейском полуострове в рамках концепции «третьего соседа» // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 6. С. 6–14. DOI: 10.31857/S013128120012898-8.

Politics**Mongolia's Mediation and Peacekeeping Role
on the Korean Peninsula
in the Framework of the Concept of a "Third Neighbor"****Ivan Ignatov**

Post-graduate student, MGIMO University. E-mail: sienar93@yandex.ru.

Abstract:

This article explores the role of Mongolia as a mediator and peacemaker in the settlement of the conflict on the Korean Peninsula in accordance with the country's "third neighbor" foreign policy concept. The author shows why Mongolia enjoys the confidence of the parties involved in the conflict and is perceived by them as one of the most suitable mediators. He proceeds to analyze the actual mediation activities of the Mongolian leadership concerning Korea, including confidence-building measures with both States of the Korean Peninsula, the organization of bilateral and multilateral meetings and negotiations on Mongolian soil, as well as the creation of an international dialogue platform in the form of the international conference known as the "Ulaanbaatar

Dialogue on Northeast Asia Security". The author concludes the article by emphasizing that the friendly relations of Mongolia with the DPRK and the Republic of Korea gain special significance considering the current deterioration of relations between North and South Korea, since it is the Mongolian side that will be able to support the parties to the conflict and their allies in resolving acute issues during the current crisis.

Key words:

Mongolia, the DPRK, the Republic of Korea, the Korean Peninsula, "third neighbor", inter-Korean settlement, negotiations, mediator, cooperation.

For citation:

Ignatov I.A. Mongolia's Mediation and Peacekeeping Role on the Korean Peninsula in the Framework of the Concept of a "Third Neighbor" // Far Eastern Affairs. 2020. No. 6. Pp. 6–14. DOI: 10.31857/S013128120012898-8.

Масштабные реформы, начавшиеся в СССР во второй половине 1980-х годов, привели к активизации аналогичных процессов в ориентированных на Советский Союз социалистических странах, а впоследствии и к распаду всего так называемого социалистического содружества. Вопрос поиска нового места в системе международных отношений, вставший перед всеми бывшими союзниками СССР с началом постбиполярного периода, для Монголии был особенно актуален. В этой стране, где мирный переход к демократии произошел в 1990 г., вскоре начался тяжелейший экономический кризис, вызванный прекращением масштабной советской экономической помощи при одновременной необходимости дальнейших политических реформ и перехода экономики на рыночные рельсы. Учитывая, что Монголия географически расположена между Россией и Китаем, чье владычество над Монголией в эпоху империи Цин до сих пор является причиной негативного восприятия Поднебесной для многих монголов, выработка нового внешнеполитического курса была серьезным вызовом для монгольской политической элиты. Ответом на него стала концепция «третьего соседа».

В августе 1990 г. государственный секретарь США Дж. Бейкер находился в Монголии с визитом, призванным продемонстрировать поддержку только что прошедшей «демократической революции» и первым свободным парламентским выборам в этой стране. На встрече с монгольским руководством американский дипломат назвал Соединённые Штаты «третьим соседом» Монголии, давая тем самым понять, что монголы могут рассчитывать на помощь США при проведении дальнейших демократических реформ и становлении рыночной экономики. В Вашингтоне слова Бейкера вскоре забылись, но монгольская политическая элита, как раз находившаяся в поиске основы для обновленного внешнеполитического курса страны, подхватила его идею. Вскоре концепция «третьего соседа» была закреплена в Концепции внешней политики и Концепции национальной безопасности Монголии, после чего понятие «третий сосед» стало активно использоваться в официальных документах и научных работах в самой Монголии и за ее пределами.

Идея «третьего соседа» Монголии подразумевает, в первую очередь, развитие связей с государствами, не граничащими с ней, что позволяет уравновесить влияние ближайших соседей — России и Китая — и уменьшить риски, связанные с чрезмерной зависимостью от одной из этих держав. Монгольские исследователи отмечают, что их страна имеет исторический опыт подчинения каждому из двух непосредственных соседей (Китаю — в годы правления династии Цин, России — в советский период). Соответственно, политика «третьей силы» в монгольском варианте связана с обеспечением политической, экономической и культурной самостоятельности, с вопросами безопасности и защиты от внешних военных угроз и, наконец, с сохранением идей и ценностей, возобладавших в монгольской политической жизни после «демократической революции» 1990 г.

Следует отметить, что развитием двусторонних межгосударственных связей с третьими странами эта концепция не ограничивается: Монголия также стремится к подержанию и укреплению отношений с международными организациями (как межправи-

тельствственными, так и негосударственными) и к активному участию в международной миротворческой и гуманитарной деятельности. Все это способствует повышению международного престижа Монголии как страны, которая не является участником военно-политических блоков, имеет безъядерный статус, поддерживает равные дружественные отношения со всеми странами вне зависимости от их политического режима и участвует в международных миротворческих миссиях. Именно такое государство может быть востребовано в качестве посредника при урегулировании конфликта на Корейском полуострове.

Цель данной статьи — исследование посреднической и миротворческой роли Монголии на примере урегулирования конфликта на Корейском полуострове в контексте концепции «третьего соседа». В рамках этой цели следует выяснять по каким причинам страны—участницы данного конфликта проявляют интерес к Монголии как к медиатору; как монгольское руководство поддерживает взаимодействие и дружеские связи с обоими корейскими государствами, сохраняя при этом нейтралитет; какие конкретные шаги предпринимает Монголия как посредник для организации двусторонних и многосторонних встреч, переговоров и конференций с участием конфликтующих сторон для содействия сближению их позиций и, в перспективе, завершению конфликта между КНДР и Республикой Корея.

Возможность для Монголии играть роль посредника при урегулировании конфликта на Корейском полуострове объясняется не только ее принадлежностью к региону Северо-Восточной Азии, но и ее приверженностью курсу на развитие сотрудничества со всеми странами, вне зависимости от господствующей в них идеологии и принадлежности к военно-политическим союзам. В советский период Монголия поддерживала дружественные отношения с большинством социалистических и нейтральных стран, а после перехода к демократии внешнеполитическая концепция «третьего соседа» позволила ей построить партнерские отношения и с бывшими соперниками по холодной войне.

В 1948 г. Монголия стала второй страной после СССР, признавшей независимость КНДР. Монголы оказали северокорейскому режиму содействие в ходе Корейской войны 1950–1953 гг. и в период послевоенного восстановления. Впоследствии две страны продолжали развивать всестороннее сотрудничество, что нашло отражение в подписанном в 1986 г. Договоре о дружбе и взаимной помощи. После монгольской «демократической революции» двусторонние связи с Северной Кореей прошли период охлаждения, главным образом из-за стремления монгольского руководства к сближению с Республикой Корея (в 1999 г. даже было временно закрыто посольство КНДР в Улан-Баторе), но уже с 2002 г. началось их восстановление.

Сейчас, в отличие от многих других бывших социалистических стран, Монголия может похвастаться дружественными отношениями с КНДР. Монгольские компании инвестируют в северокорейскую промышленность, сельское хозяйство и туристическую отрасль. В Монголии работают несколько тысяч граждан КНДР, главным образом в строительной отрасли и обрабатывающей промышленности. Улан-Батор неоднократно оказывал северокорейцам гуманитарную помощь, так необходимую им в условиях международных санкций. Неофициально северокорейское руководство проявляет немалый интерес к изучению монгольского опыта экономических реформ. По утверждению монголов, Пхеньян не рассматривает их страну как угрозу, потому что Монголия не является союзником западных держав, враждебно относящихся к Северной Корее, а также ввиду богатого опыта двухстороннего взаимодействия в советский период. Все эти факторы вкупе с хорошими отношениями Монголии с поддерживающими КНДР Китаем и Россией обеспечивают доверие северокорейского режима к Монголии как к возможному посреднику при переговорах с Республикой Корея, Японией, США и их союзниками.

С конца 1980-х — начала 1990-х годов, как уже говорилось, монголы приступили к налаживанию связей с демократическими государствами, контакты с которыми были ограничены в период холодной войны ввиду их ориентации на США. В 1987 г. были установ-

лены дипломатические отношения с Соединёнными Штатами, в 1990 г. — с Республикой Корея. В непростой период демократизации и структурной перестройки экономики Монголии страны Запада, Японии и Южная Корея оказали ей значительную финансовую помощь. Деятельность созданной ими в 1991 г. Рабочей группы государств—доноров Монголии существенно облегчила для монголов переход к рыночной экономической системе, в числе прочего позволив предотвратить вызванный упадком сельскохозяйственной отрасли массовый голод. При поддержке западных стран Монголия также присоединилась к Международному валютному фонду и группе Всемирного банка (1991), а затем и к ВТО (1997), тем самым обеспечив себе дополнительные источники помощи развитию.

С конца 1990-х — начала 2000-х годов, когда кризисные тенденции в экономике Монголии были преодолены, акценты в ее отношениях с государствами-донорами несколько изменились. Компании из стран «третьего соседа» приступили к активной реализации взаимовыгодных совместных проектов с монгольскими партнерами. Частные компании из США, Японии, Республики Корея и стран ЕС на протяжении многих лет сотрудничают с монголами в таких важнейших для Монголии отраслях, как горнодобывающая и легкая промышленность, создание транспортной и информационной инфраструктуры, туристическая и энергетическая отрасли. При этом предоставление финансовой помощи не было прекращено, а по некоторым направлениям ее масштабы даже возросли. К примеру, Программа расширенного финансирования (Extended Fund Facility, EFF), реализуемая МВФ в Монголии с 2017 г. и имеющая целью преодоление существующих экономических проблем и ускорение роста монгольской экономики, финансируется в значительной степени за счет Японии, Республики Корея и Азиатского банка развития (АБР). Кроме того, в Монголии работают офисы зарубежных агентств и неправительственных организаций из третьих стран (АМР США, JAICA, KOICA, Корпус мира, JETRO и др.), с которыми заключено множество соглашений о выделении целевых кредитов и безвозмездной помощи в самых разных сферах, от инфраструктурного строительства до развития монгольских систем образования и здравоохранения.

В странах Запада, Японии и Южной Кореи высоко отзываются о достижениях Монголии на пути развития демократии, рыночной экономики и утверждения верховенства прав человека, считая эту страну примером успеха для других стран региона и выражая готовность оказывать ей помощь и в дальнейшем. С одобрением воспринимается и участие монгольских военнослужащих в миссиях ООН и НАТО (в том числе в Афганистане, Ираке и Косово), в международных учениях совместно с США и их союзниками. Республика Корея и ее союзники также заинтересованы в участии Монголии в процессе межкорейского урегулирования, поскольку хорошие отношения с КНДР позволяют ей играть роль посредника, которому доверяют все вовлеченные в конфликт стороны, и открывают определенные возможности трансформации северокорейского режима за счет использования им монгольского опыта реформ и роли Монголии как своего рода «окна в свободный мир» для работающих и обучающихся там северокорейских граждан.

Монгольское руководство стремится содействовать разрешению конфликта между КНДР и Республикой Корея, в котором видит угрозу для своей безопасности и мира во всем регионе. По мнению монгольских дипломатов и экспертов (таких, как нынешний посол этой страны в ФРГ Д. Ганбат), отсутствие диалогового механизма по вопросам безопасности в регионе на протяжении многих лет способствовало разрастанию конфликта. Поскольку шестисторонние переговоры не привели к его разрешению, к успеху может привести иной формат, в частности включающий не входящую в «шестерку» Монголию как посредника. Присутствует и элемент экономического интереса: Транско-рейская железная дорога могла бы стать элементом кратчайшего пути из Европы в Республику Корея и прекрасным каналом для торговли между Южной Кореей и Монголией, но она неизбежно должна пройти через территорию КНДР. Примирение же двух Корей

приведет к открытию северокорейской границы, что устранил главное препятствие для такого маршрута и предоставит монголам экономические преимущества.

Монгольское руководство стремится равномерно развивать взаимодействие с обоими государствами Корейского полуострова, чтобы их страна и впредь воспринималась как дружественная и в Сеуле, и в Пхеньяне. К примеру, в 2013 г. президент Монголии Ц. Элбэгдорж посетил с визитом КНДР, где обсудил с северокорейским руководством возможную посредническую роль своей страны в конфликте с РК и ее союзниками, достиг договоренностей о расширении экономического сотрудничества между двумя странами, в том числе в сфере переработки нефти, и первым из зарубежных лидеров выступил с лекцией в главном высшем учебном заведении страны — Университете им. Ким Ир Сена. Тогда же он побывал в Объединенной зоне безопасности в Пханмунджоме. Год спустя, 22 августа 2014 г., в Улан-Баторе состоялся монгольско-южнокорейский саммит, по итогам которого президенты Ли Мён Бак и Ц. Элбэгдорж заявили, что двусторонние отношения будут выведены на уровень всестороннего партнерства, а расширение связей в различных областях будет способствовать процветанию не только Монголии и Республики Корея, но всей Северо-Восточной Азии. В 2020 г. в рамках празднования 30-летия дипломатических отношений стороны уже готовились объявить о стратегическом партнерстве, и лишь ввиду пандемии COVID-19 этого до сих пор не произошло.

Из Улан-Батора неоднократно звучали заявления о поддержке инициатив Республики Корея по сближению с Севером с целью последующей реинтеграции Корейского полуострова. Еще в 2006 г. монгольский президент Н. Энхбаяр предлагал проводить встречи представителей двух Корей «на нейтральной территории» — в Улан-Баторе, с Монголией в роли посредника. Тогда переговоры не состоялись, но инициатива монгольской стороны не была забыта. В 2007 г. в монгольской столице в рамках шестисторонних переговоров по ядерной программе КНДР состоялась встреча на высоком уровне между представителями Северной Кореи и Японии, целью которой было заявлено содействие нормализации отношений между двумя странами. Для проведения этого мероприятия руководство Монголии по просьбе северокорейской стороны предоставило здание государственной резиденции «Их Тэнгэр».

Эти переговоры положили начало ряду встреч представителей Японии и Северной Кореи, призванных облегчить для сторон решение наиболее острых проблем в двусторонних отношениях. Так, 15–16 ноября 2012 г. в монгольской столице прошли консультации представителей правительств КНДР и Японии на рабочем уровне, по итогам которых стороны достигли согласия по нескольким вопросам, в частности, по вопросу возвращения на родину останков погибших на территории КНДР в годы Второй мировой войны японских военных, и договорились продолжать диалог. А в марте 2014 г. в Улан-Баторе была организована первая встреча родителей японки Мэгуми Ёкоты, похищенной северокорейскими спецслужбами в 1977 г., с их внучкой, живущей в КНДР, а также с ее собственной дочерью. Как известно, проблема похищенных Северной Кореей японских граждан до сих пор осложняет двусторонние связи этих стран (к примеру, в Японии не верят утверждениям северокорейцев, что самой Ёкоты давно нет в живых), но примечательно, что стороны избрали Монголию как наиболее подходящую нейтральную страну для проведения такой встречи.

С 2015 г. ежегодно проводятся трехсторонние встречи делегаций внешнеполитических ведомств Японии, Монголии и США. На этих саммитах предметом обсуждения становится не только экономическое сотрудничество Монголии с двумя крупнейшими из ее «третьих соседей», но и вопросы согласования внешнеполитических действий на направлениях, где интересы сторон совпадают, а также проблемы региональной безопасности и интеграции. Затрагиваются и темы, связанные с проблемой урегулирования конфликта на Корейском полуострове. Хотя позиция Монголии по этому вопросу не полностью совпадает с той, которую занимают Япония и Соединённые Штаты, в ходе этих

встреч монгольская сторона высказывает поддержку своим коллегам в их стремлении добиться выполнения всех резолюций СБ ООН по Корее и полной денуклеаризации Корейского полуострова, а также разрешения таких гуманитарных вопросов, как уже упоминавшаяся проблема похищенных. В свою очередь, американцы и японцы высоко отзываются о миротворческой и посреднической деятельности Монголии как на корейском направлении, так и в рамках миссий ООН в зонах конфликтов по всему миру.

Идея проведения региональной конференции по безопасности впервые прозвучала из Улан-Батора еще в начале 1980-х годов. Впоследствии монгольское руководство и экспертное сообщество продолжали развивать эту мысль, в том числе и в рамках курса на превращение своей страны в посредника в деле межкорейского примирения. В 2013 г. в ходе VII конференции министров Сообщества демократических государств президент Монголии Ц. Элбэгдорж анонсировал создание новой переговорной площадки — международной конференции, известной как «Улан-Баторский диалог по безопасности в Северо-Восточной Азии» (Ulaanbaatar Dialogue on Northeast Asia Security). 17–18 июня 2014 г. это мероприятие впервые состоялось в монгольской столице при участии более чем 35 представителей зарубежных государств, включая Россию, США, КНР, Японию, КНДР и Республику Корея, а также некоторые европейские страны, в частности Германию и Нидерланды.

С тех пор «Улан-Баторский диалог» проводится в июне ежегодно, лишь в 2020 г. из-за пандемии коронавируса и закрытия границ его пришлось отменить. Помимо государственных деятелей и ученых из стран-участниц, с 2017 г. в мероприятии принимают участие представители таких международных организаций, как ОБСЕ, ЕС, АТЭС и Международный комитет Красного Креста. Хотя с течением времени на конференции появились дополнительные сессии по вопросам регионального сотрудничества в сферах энергетики, инфраструктуры, «зеленого развития», гуманитарных связей и другие, ее основной темой остается обеспечение безопасности в Северо-Восточной Азии. На данное мероприятие свои делегации направляют все стороны, вовлеченные в процесс урегулирования ситуации на Корейском полуострове, что дает им возможность проводить в столице Монголии встречи и переговоры в различных форматах. Так, в 2018 г. на полях конференции встречались представители Японии и Северной Кореи. При этом на «Улан-Баторском диалоге» действует так называемое правило Chatam House¹, что позволяет участникам свободнее вести обсуждение и не опасаться высказывать свое мнение.

Разумеется, все ключевые стороны собираются в Улан-Баторе не каждый раз (к примеру, в 2019 г. не приехали делегаты из КНДР). Однако, учитывая закрытость северокорейского режима и глубину противоречий между участниками урегулирования конфликта на Корейском полуострове, монгольская сторона и не рассчитывала на быстрый успех. В отсутствие других устраивающих все стороны нейтральных переговорных площадок «Улан-Баторский диалог» может способствовать разрешению конфликта в долгосрочной перспективе. Более того, даже если этого не произойдет, сам факт посреднических усилий Монголии приводит к повышению ее авторитета на международной арене и привлекает внимание зарубежных акторов к таким проектам с монгольским участием, как экономический коридор Россия — Монголия — Китай и «Степной путь». Члены делегаций стран — участниц конференции не раз заявляли о высокой оценке усилий монгольского руководства по сближению их позиций, и интерес к данному диалоговому формату, по-видимому, сохранится, несмотря на очередное обострение межкорейских отношений в 2020 г.

1. Это правило, названное в честь британского Королевского института международных отношений (более известного как Chatam House), подразумевает, что участники дискуссии вправе использовать полученную в ходе нее информацию, но не разглашать личность и принадлежность докладчика.

* * *

По результатам изучения посреднической и миротворческой роли Монголии на примере урегулирования конфликта на Корейском полуострове можно сделать следующие выводы. Во-первых, с тех пор, как концепция «третьего соседа» официально стала основой монгольского внешнеполитического курса, руководство Монголии стремится к активному участию своей страны в международной миротворческой и гуманитарной деятельности. За счет этого предполагается укрепить ее авторитет на международной арене, уменьшить зависимость от ближайших соседей — России и Китая — а также сделать Монголию более привлекательным партнером для зарубежных стран и международных организаций, которые могут обеспечить необходимый ей для дальнейшего экономического роста приток иностранных инвестиций. Безусловно, лучше всего этим целям послужила бы посредническая роль Улан-Батора в процессе урегулирования конфликта на Корейском полуострове — одного из наиболее острых в регионе и во всем мире. Другие доводы в пользу активного участия в урегулировании этого конфликта включают резонное желание содействовать разрешению конфликта в собственном регионе Северо-Восточной Азии, укрепив тем самым безопасность Монголии, а также экономическую выгоду, которую монголы получают от открытия Транскорейской железной дороги.

Во-вторых, Монголия пользуется доверием всех стран, вовлеченных в конфликт вокруг северокорейской ядерной программы, и устраивает их в качестве медиатора ввиду хороших отношений со всеми враждующими сторонами. Дружеские связи, существовавшие между Пхеньяном и Улан-Батором еще со времен образования КНДР, прошли испытание временем, монголы не раз оказывали Северной Корее содействие в нелегкие времена, в том числе после Корейской войны 1950–1953 гг. Сейчас Монголия остается одним из немногих государств, с которыми закрытый северокорейский режим поддерживает экономическое сотрудничество и от которых получает гуманитарную помощь. После «демократической революции» 1990 г. Монголия взяла курс на нормализацию отношений с бывшими соперниками по холодной войне, и сейчас Япония, США и Республика Корея входят в число ее ключевых политических и торгово-экономических партнеров. Эти государства оказали монголам значительную помощь в кризисный период демократизации и перехода к рыночной экономике и продолжают поддерживать реализуемые в стране реформы, направленные на дальнейшее развитие демократии, при этом осуществляя на монгольской земле взаимовыгодные экономические проекты. К тому же отказ монголов от социализма вкупе с политическим разворотом на Запад привел лишь к кратковременному охлаждению отношений с Северной Кореей, в том числе и потому, что Монголия имеет статус безъядерного государства и де-факто придерживается нейтралитета, избегая участия в военно-политических альянсах под руководством США. Интерес же руководства КНДР к монгольскому опыту рыночных реформ дает западным странам определенные надежды на то, что Улан-Батор в перспективе может сыграть свою роль в процессе трансформации северокорейского режима.

В-третьих, поддерживая контакты с руководством обеих Корей и их союзниками, монгольское руководство еще с 2006 г. предлагало им воспользоваться его услугами в качестве посредника при урегулировании конфликта вокруг ядерной программы КНДР, а также других проблем в двусторонних и многосторонних связях. С 2007 г. Монголия выступала в роли медиатора на переговорах Японии и КНДР, в ходе которых удалось достичь прогресса по таким вопросам, как проблема похищенных северокорейцами японских граждан, включая организацию встреч разделенных семей, и репатриация останков погибших во Вторую мировую войну японских военных. Центральную же роль в посреднических усилиях монголов на корейском направлении играет международная конференция «Улан-Баторский диалог по безопасности в Северо-Восточной Азии», которая ежегодно проводится с 2014 г. В данном мероприятии участвуют представители мно-

жества стран и международных организаций, в том числе всех сторон конфликта на Корейском полуострове. Таким образом, конференция стала одной из немногих нейтральных переговорных площадок, где все страны региона имеют возможность проводить переговоры в различных форматах как по корейской ядерной проблеме, так и по другим актуальным вопросам региональной безопасности и двусторонних отношений. Разумеется, все заинтересованные стороны собираются в Улан-Баторе не всегда, и гарантировать постоянную результативность переговоров невозможно. Тем не менее, все участники конфликта высоко оценивают посреднические усилия Монголии и по-видимому, сохраняют интерес к этой конференции как к диалоговой площадке.

Как известно, сейчас отношения между КНДР и Республикой Корея переживают очередной период охлаждения, и наметившиеся было перспективы разрешения их многолетнего конфликта вновь туманны. Однако положить конец этому противостоянию в любом случае было бы непросто, учитывая, насколько высок уровень недоверия между сторонами, как сильно различаются их позиции и какое количество других проблем возникло за эти годы в отношениях между Севером, Югом и их союзниками. В этих условиях наличие устраивающего все стороны посредника и медиатора приобретает особое значение: ведь сколь бы ни были сильны противоречия, преодолеть их без диалога не удастся. Тот факт, что Монголия взяла на себя роль такого посредника, само по себе способствует повышению ее авторитета на международной арене. Время покажет, насколько успешна будет в дальнейшем ее деятельность на этом поприще и каковы окажутся ее результаты для государств Кореи, Северо-Восточной Азии и всего мира.

Литература

- Базаров В.Б. Монголо-японские дипломатические отношения / В.Б.Базаров // Власть. 2009. № 9.
- Бойкова Е.В. Монголия—Южная Корея: 20 лет дипломатических отношений / Е.В. Бойкова // Новое Восточное Обозрение. 2010 г.
- Гольман, Марк. Монголия — посредник и партнер КНДР / Марк Гольман // NEO — Новое Восточное Обозрение, 08.08.2014. URL: <https://ru.journal-neo.org/2014/08/08/mongoliya-posrednik-i-partner-kndr/> (дата обращения: 24.08.2020).
- Монгол Улсын Гадаад бодлогын үзэл баримтлал : [Концепция внешней политики Монголии] // 10.02.2011. URL: <https://www.legalinfo.mn/annex/details/3362?lawid=6340> (дата обращения: 15.08.2019).
- Монгол Улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал : [Концепция национальной безопасности Монголии] // 15.07.2010. URL: <http://www.nsc.gov.mn/?q=ns-concept> (дата обращения: 03.03.2020).
- Addleton Jonathan S. Mongolia and the United States: A Diplomatic History / Jonathan S. Addleton // ADST-DACOR Diplomats and Diplomacy Series. Hong Kong: Hong Kong University Press. 2013.
- Anudari M. Ulaanbaatar Dialogue on Northeast Asian Security' to be held early June / M.Anudari // Montsame, May 23, 2019. URL: <https://montsame.mn/en/read/190418> (accessed: 23.08.2020).
- Battur J. Crisis on the Korean peninsula and Mongolia's position / J.Battur // Mongolian-Taiwanese Joint Symposium on "Security of States Other Than Major Powers". Ulaanbaatar, National University of Mongolia, 28–29.07.2010.
- Campi, Alicia. How North Korea—Mongolia Relations Have Jump-Started The Korean Peninsula Peace Process / Alicia Campi // Asia Pacific Bulletin. Washington, DC. February 20. 2019. No. 457.
- Campi, Alicia. Mongolia—South Korean Relations / Alicia Campi // The Eurasian Monitor. March 31.2014. Volume 11. Issue 60.
- Caprara, David L., Moon, Katharine H.S., Park, Paul. Mongolia: Potential Mediator between the Koreas and Proponent of Peace in Northeast Asia / David L. Caprara, Katharine H.S. Moon, and Paul Park // Brookings. January 20.2015. URL: <https://www.brookings.edu/opinions/mongolia-potential-mediator-between-the-koreas-and-proponent-of-peace-in-northeast-asia/> (accessed: 09.09.2020).
- Joint Statement Mongolia—Japan—U.S. Trilateral Meeting — US Embassy in Mongolia. URL: <https://mn.usembassy.gov/joint-statement-mongolia-japan-u-s-trilateral-meeting/> (accessed: 15.08.2020).

- Rossabi Morris*. Modern Mongolia: From Khans to Commissars to Capitalists / Morris Rossabi. Berkeley: University of California Press, 2005.
- Soni Sharad K*. The Geopolitical Dilemma of Small States in External Relations: Mongolia's Tryst with "Immediate" and "Third" Neighbours / Sharad K. Soni. Ulaanbaatar: The Mongolian Journal of International Affairs, 2018. Vol. 20.
- Ulaanbaatar Dialogue Initiative on Northeast Asia Security / Ministry of Foreign Affairs of Mongolia Official Website. URL: <http://www.mfa.gov.mn/wp-content/uploads/2015/12/Ulaanbaatar-Dialogue.pdf> (accessed: 02.09.2020).
- Wishnick, Elizabeth*. Mongolia: Bridge or Buffer in Northeast Asia? / Elizabeth Wishnick // The Diplomat. June 19. 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/06/mongolia-bridge-or-buffer-in-northeast-asia/> (accessed: 03.09.2020).

References

- Bazarov V.B*. Mongolo-yaponskie diplomaticheskie otnosheniya / V.B.Bazarov // Vlast'. 2009. № 9.
- Bojkova E.V*. Mongoliya—Yuzhnaya Koreya: 20 let diplomaticheskix otnoshenij / E.V. Bojkova // Novoe Vostochnoe Obozrenie. 2010 g.
- Gol'man, Mark*. Mongoliya — posrednik i partner KNDR / Mark Gol'man // NEO — Novoe Vostochnoe Obozrenie, 08.08.2014. URL: <https://ru.journal-neo.org/2014/08/08/mongoliya-posrednik-i-partner-kndr/> (data obrashheniya: 24.08.2020).
- Mongol Ulsy'n Gadaad bodlog'y'n yze'l barimtlal : [Koncepciya vneshnej politiki Mongolii] // 10.02.2011. URL: <https://www.legalinfo.mn/annex/details/3362?lawid=6340> (data obrashheniya: 15.08.2019).
- Mongol Ulsy'n ynde'snij ayuulgyj bajdly'n yze'l barimtlal : [Koncepciya nacional'noj bezopasnosti Mongolii] // 15.07.2010. URL: <http://www.nsc.gov.mn/?q=ns-concept> (data obrashheniya: 03.03.2020).
- Addleton Jonathan S. Mongolia and the United States: A Diplomatic History / Jonathan S. Addleton // ADST-DACOR Diplomats and Diplomacy Series. Hong Kong: Hong Kong University Press. 2013.
- Anudari M*. Ulaanbaatar Dialogue on Northeast Asian Security' to be held early June / M.Anudari // Montsame, May 23, 2019. URL: <https://montsame.mn/en/read/190418> (accessed: 23.08.2020).
- Battur J*. Crisis on the Korean peninsula and Mongolia's position / J.Battur // Mongolian-Taiwanese Join Symposium on "Security of States Other Than Major Powers". Ulaanbaatar, National University of Mongolia, 28–29.07.2010.
- Campi, Alicia*. How North Korea—Mongolia Relations Have Jump-Started The Korean Peninsula Peace Process / Alicia Campi // Asia Pacific Bulletin. Washington, DC. February 20. 2019. No. 457.
- Campi, Alicia*. Mongolia—South Korean Relations / Alicia Campi // The Eurasian Monitor. March 31.2014. Volume 11. Issue 60.
- Caprara, David L., Moon, Katharine H.S., Park, Paul*. Mongolia: Potential Mediator between the Koreas and Proponent of Peace in Northeast Asia / David L. Caprara, Katharine H.S. Moon, and Paul Park // Brookings. January 20.2015. URL: <https://www.brookings.edu/opinions/mongolia-potential-mediator-between-the-koreas-and-proponent-of-peace-in-northeast-asia/> (accessed: 09.09.2020).
- Joint Statement Mongolia—Japan—U.S. Trilateral Meeting — US Embassy in Mongolia. URL: <https://mn.usembassy.gov/joint-statement-mongolia-japan-u-s-trilateral-meeting/> (accessed: 15.08.2020).
- Rossabi Morris*. Modern Mongolia: From Khans to Commissars to Capitalists / Morris Rossabi. Berkeley: University of California Press, 2005.
- Soni Sharad K*. The Geopolitical Dilemma of Small States in External Relations: Mongolia's Tryst with "Immediate" and "Third" Neighbours / Sharad K. Soni. Ulaanbaatar: The Mongolian Journal of International Affairs, 2018. Vol. 20.
- Ulaanbaatar Dialogue Initiative on Northeast Asia Security / Ministry of Foreign Affairs of Mongolia Official Website. URL: <http://www.mfa.gov.mn/wp-content/uploads/2015/12/Ulaanbaatar-Dialogue.pdf> (accessed: 02.09.2020).
- Wishnick, Elizabeth*. Mongolia: Bridge or Buffer in Northeast Asia? / Elizabeth Wishnick // The Diplomat. June 19. 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/06/mongolia-bridge-or-buffer-in-northeast-asia/> (accessed: 03.09.2020).